

М.Лермонтов и С.Рамиев (к вопросу о междисциплинарном диалоге)

диалог литератур, парча, элегия, эстетическая интерференция

В настоящее время, когда усиливается взаимодействие разных национальных языков и литератур, на первый план в компаративистике выходят явления, связанные с междисциплинарным диалогом. По мнению российского ученого Я.Г.Сафиуллина, «междисциплинарный диалог – обмен идеями, образами, художественными формами и другими эстетическими ценностями» [Сафиуллин 2010: 53]. В диалоге реализуется «совместный путь к знанию, смыслу, не обязательно завершающийся согласием» [Сафиуллин 2012: 23].

Важнейший аспект диалога литератур – эстетическая интерференция, которая чаще всего реализуется в читательском сознании, а также в сознании переводчика, критика, исследователя [Хабибуллина 2010 : 32-49].

Цель статьи – исследование эстетической интерференции в междисциплинарном контексте, выявление ее в цикле стихотворений С.Рамиева «Лермонтов шигырләрәннән парчалар» («Парчи стихотворений Лермонтова»), представляющего собой результат впечатления поэтом произведений Лермонтова: «Я жить хочу! Хочу печали», «1830 год. Июля 15-го», «Нет, я не Байрон...».

Известно, что творчество Лермонтова впервые вошло в мир татарской литературы в самом конце XIX века, в 1898 году, когда на старотатарском языке была опубликована сказка Лермонтова «Ашик-Кериб», переведенная неизвестным автором. Затем внимание к переводам произведений Лермонтова усиливается и становится неотъемлемой частью междисциплинарного диалога.

Рассмотрим подробнее явление эстетической интерференции в восприятии Рамиева произведений Лермонтова, т.к. данный аспект изучен в науке недостаточно.

Обращение Рамиева к произведениям Лермонтова неслучайно. В своем исследовании мы исходим из идеи о том, что творчество Лермонтова было тесно связано с Востоком. Вместе с тем существует и другой уровень связи поэта с миром восточной культуры, который имеет отношение к философии творчества Лермонтова. На наш взгляд, в *формах мышления* Лермонтова выделяются некоторые параллели с Востоком. Такой пограничный характер мышления, проявился, в первую очередь, в обращении Лермонтова к основным концептам восточной культуры – судьба, смерть, рок. Все это приближало поэта к культуре Востока, к пониманию им глубинных идей, определяющих национально-культурный характер и мировидение восточного человека, что, в свою очередь, дистиллировалось в создание им неповторимых художественных образов, которые так же, как и сам поэт, несли в себе восточное начало.

Одним из оснований для установления типологических черт, объединяющих Лермонтова и Восток, является склонность поэта к мышлению в антитезах. Данный тип мышления, в котором представления о земле и небе являются главными, обусловила, на наш взгляд, внимание С.Рамиева, татарского поэта начала XX века, к поэзии Лермонтова, а именно к тем его произведениям, в которых эта антитеза является главной.

Жанровой формой, в которой осуществлялся междисциплинарный диалог, стала восточная *парча* (букв. «кусочек», «отрывок»). Речь идет о цикле подражаний Лермонтову («Лермонтов шигырләрәннән парчалар» – «Парчи стихотворений Лермонтова»). Одним из стихотворений, входящих в данный цикл, является произведение «Күк берлән мин тату булмак теләм» («Я с небом единства хочу»). Оно представляет собой вольный перевод стихотворения Лермонтова «Я жить хочу! Хочу печали» (1832).

В стихотворении русского поэта говорится о муках сердца, о печалях, которые ему так необходимы, чтобы ощущать полноту жизни. Его душевные переживания движутся как бы от спокойствия *земных* дел и устремлений к той глубине и красоте неба, которые ему нужны как богоизбранному творцу. Как пишет В. Коровин, «душевные «муки» в представлении романтика – необходимое условие лирического творчества; показательно, что само творчество приравнивается к постижению «неба звуков» [Коровин 1981 : 640].

Что без страданий жизнь поэта?

И что без бури океан?

Он хочет жить ценою муки,

Ценой томительных забот

Он покупает неба звуки,

Он даром славы не берет [Лермонтов 1988 : 1: 135].

В парче татарского поэта в целом сохраняется эмоциональность стихотворения Лермонтова, его мятежный и динамический характер. Вместе с тем рассматриваемая антитеза в нем наполняется религиозным смыслом, который в оригинальном произведении обозначен лишь потенциально. По сути, С. Рамиев создает такую парчу, которая полностью построена на открытой антитезе «небо-земля». И эта особенность инонационального восприятия несколько не расходится с основами восточного типа мышления, в котором движение к небу и Богу занимает ядро психологических и эстетических переживания восточного человека.

Күк берлән мин тату булмак телим,

Телим сәю, сәйим димен мин.

Телим табыну, табынып Ходаема,

Игелеккә иман итим дим...[Рамиев 1999: 66].

Я с небом единства хочу,

Любви хочу, повторяя, что буду любить.

Аллаху хочу поклоняться и поклоняюсь,

Совершая богоугодные дела...

(подстрочный перевод наш – А.З.Хабибуллина)¹.

Мотив мятежного духа поэта здесь утрачивает свой романтический характер, развиваясь в представление о силе неба, которое подчиняет себе поэта полностью, т.к. в ее основе Бог (Аллах).

Таким образом, в произведении С.Рамиева названная антитеза – «небо – земля» – усиливается за счет того, что в начале XX века в татарской литературе (шире – восточной) представление о небе и Боге составляли ее важнейшую часть. Татарская литература начала XX века, несмотря на изменение своей культурологической ориентации от Востока к Западу, сохранила свою приверженность тому, что составляло ее бытийное основание – движение к Богу.

Именно эти параллели, охватывающие, с одной стороны, особенности поэзии Лермонтова, а с другой, черты восточного мирозерцания, позволяют говорить как о своеобразии диалога Востока и Запада в произведениях Лермонтова, так и о том, что поэзия Лермонтова, содержащая в себе восточное начало, стала своеобразной основой для возникновения эстетической интерференции в воспринимающем сознании. Эстетическая интерференция здесь – результат интуитивного, стихийного видения татарским поэтом в Лермонтове черт «своей» культуры, сходного миропонимания. Такое содержание, безусловно, трансформировало целостность и художественную завершенность воспринимаемого стихотворения, вызвав к жизни лишь его отрывок, в котором «свое», восточное, видение мира стало главным.

¹ Здесь и далее в статье перевод татарских текстов на русский язык выполнен нами – А.З.Хабибуллина.

Своеобразный диалог с Лермонтовым проявился и в другой парче Рамиева – «Кешелэргә күренгәннән мин яхшырак» («Я ведь лучше, чем людям кажусь»). Произведение представляет собой отрывок из раннего стихотворения Лермонтова «1830 год. Июля 15-го», в котором поэт раскрыл столкновение младенчески чистой и живой души с обманом и предательством друзей. Поэт открыто противопоставляет себя обществу, подчеркивая неравность схватки. Такое столкновение ведет лирического героя к одиночеству. Интересна в этом отношении заключительная строфа, в которой поэт сравнивает себя с «согбенным луком», который, порвав тетиву, уже не сможет выпрямиться. Внутреннюю коллизию также подчеркивает сравнение себя с лучом «бесчувственной луны».

Что ж. – Ныне жалкий, грустный я живу
Без дружбы, без надежд, без дум, без сил,
Бледней, чем луч бесчувственной луны,
Когда в окно скользит он вдоль стены [Лермонтов 1988: 1: 60].

Парча С.Рамиева иллюстрирует совершенно иной взгляд на столкновение героя с обществом. В нем полностью отсутствует тема конфликта. Татарский поэт верно переводит лишь самые начальные строки второй строфы произведения Лермонтова, при этом в татарском произведении автор усиливает внимание не на лицо, в котором могут выражаться истинные чувства лирического героя, а на его душу, которая видится ему более чистой, светлой, чем внешность. Обращение к этой детали – душа (а затем, сердце) – усиливает в парче Рамиева выход к миру, в котором идея человеческого утрачивает свою ценность. Такой нюанс восприятия передает стихийное стремление поэта к Богу, не отрицающее, вместе с тем, значение человеческих чувств и поступков.

Лермонтов:

Но лучше я, чем людям кажусь,
Они в лице не могут чувств прочесть; [Лермонтов 1988: 1: 60].

Рамиев:

Кешелэргә күренгәннән мин яхшырак,
Тышымнан эчем минем күп яктырак... [Рамиев, Бабич 2005: 28].
(Я ведь лучше, чем людям кажусь,
И душа моя много светлее, чем внешность...).

Далее Рамиев лишь усиливает образ самого себя, свое «Я», однако в этом также нет противопоставления себя миру.

Если Лермонтов пишет об отравленной ядом «живой душе» лирического героя, то Рамиев создает образ человека, переживающего душой и сердцем, способного на отчаянные поступки и подвиги.

Ант итәм: тәхкыйрь, ачу, кинә түгел,
Күңлемдә илгә каршы янган чыраг. [Рамиев, Бабич 2005: 28].
(В сердце моем нет ни злобы, ни мести, клянусь,
А лишь светлый, горящий за Родину, светоч).

Отсутствие темы конфликта с обществом в парче Рамиева, размытость в нем мотива противостояния во многом объясняется спецификой художественного мышления поэта. В восточном сознании, как правило, нет жесткого деления субъекта и объекта, в данном случае – поэта и толпы, поэта и общества, мира в целом. Такое противопоставление расходится с природой восточного сознания, в котором подобное поведение личности означало бы неприятие Бога. И хотя религиозные мотивы прямо не развиваются в стихотворении Рамиева, тем не менее в нем чувствуется стремление создать свой самостоятельный образ героя, который расходится с лермонтовским, наделенный чувством одиночества. В парче татарского поэта главным стал образ человека, открытого миру всей душой, желающего его защитить.

Как видно из сказанного, в таком оригинальном подражании лермонтовскому произведению заметны не только жанровые трансформации (стихотворение Лермонтова напоминает элегию, перевод Рамиева - это парча), но эстетическая интерференция, вызванная “наложением” восточного мировосприятия на понимание инонационального текста. В последнем доминирует герой - носитель психологии западного человека, который не смиряется с миром, а поэтому противостоит ему.

Литература

- Лермонтов М.Ю. Сочинения: в 2-х т. / М.Ю.Лермонтов. – М.: Просвещение, 1988. – Т.1. – 720 с.
- Коровин В. И. «Я жить хочу! Хочу печали» / В.И.Коровин // Лермонтовская энциклопедия / Гл. ред. В.А Мануйлов. – М.: Сов. энцикл., 1981. – 784 с.
- Рамиев С.Л. Произведения / С.Л.Рамиев, Ш.М.Бабич. – Казань: Просвещение, 2005. – 287 с. (на татар. яз.).
- Рамиев С. Болей, душа: стихотворения и поэтические переводы / С.Рамиев. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1999. – 95 с. (на татарском языке).
- Сафиуллин Я.Г. Межлитературный диалог / Я.Г.Сафиуллин // Теория литературы: словарь для студентов / Науч. ред. Я.Г.Сафиуллин. – Казань, 2010. – С.53-55.
- Сафиуллин Я.Г. Коммуникация и литература / Я.Г.Сафиуллин // Межкультурная коммуникация: филологический аспект. Словарь-справочник. – Казань: Отечество, 2012. – С.15-31.
- Хабибуллина А.З. Эстетическая интерференция как одно из явлений художественного восприятия / А.З.Хабибуллина // Русская литература в межнациональных связях и взаимодействиях: учеб.-метод. пос. для спецкурса по компаративистике. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. – С.32-49.